

1.

ПАРАДОКС! В театрах Советского Союза почти три четверти репертуара составляют пьесы советских драматургов, а подлинный герой современности только-только мелькает, да и скроется, как говорят кинематографисты, «за кадром». Персонажи налицо, а героев, тех, кого мы хотели видеть, которые по праву хозяина великой страны рассказали бы и показали бы самое важное в жизни, до обидного мало.

Истинное искусство, искусство социалистического реализма, всегда ищет своих героев и воплощает их не в сусальном наряде или фольговой раме, а в живом и трудном деянии. Нужно сказать еще и еще раз: мы жаждали такого масштабного, значительного героя.

Об этом говорил главный режиссер Эстонского академического театра драмы имени В. Кингисепа в Таллине Ильмар Таммур перед тем, как познакомить нас с новыми и старыми спектаклями крупнейшей эстонской сцены.

Театр начал сезон активно. Сразу были показаны две премьеры: «Гуси» Э. Раннета и «Чужой» Эйно Алта. Эти спектакли на протяжении всего сентября шли наряду с такими постановками, как «Пер Гюнт» Г. Ибсена, «Слепой» Э. Алта, «Двое на качелях» У. Гибсона,

«Человек и бог» (инсценировка В. Пансо второй части романа классика эстонской литературы А. Таммсааре «Правда и справедливость»).... Эгон Раннет — постоянный друг Театра имени В. Кингисепа. Здесь все его пьесы шли «первым экраном». Между драматургом и театром установилась большая творческая дружба, от которой, как мне кажется, обе стороны выиграли. Недаром Ильмар Таммур утверждает, что образ Густаса Локка в пьесе Раннета «Совесть» «наиболее полно отражает черты нашего современника».

Драматургия Э. Раннета, понятно, весьма своеобразна. Она всегда остроконфликтна, сюжет строится напряженно, динамично, образы нетрафаретны (хотя подчас и несколько экстравагантны) и почти всегда в той или иной мере несут психологическую значительность и проблемность.

Несомненно, в заслугу драматургу следует поставить острое чувство современности, заинтересованность и определенность позиций автора в тех или иных острых вопросах сегодняшнего дня. Так, например, в пьесе «Браконьеры» при ее отдельных недостатках нельзя не отметить острое политическое чутье автора. Поставленный им вопрос об увлечении некоторой части творческой интеллигенции модернистской модой оказался очень актуальным (пьеса написана более двух лет назад). Образом художника Адама Э. Раннет как бы сигнализирует об

ПИСЬМА ИЗ ТАЛЛИНА

опасности проникновения в наше искусство иссушающих ветров воинствующего абстракционизма.

К сожалению, в свое время по поводу этого произведения многие критики замечали: «этого не бывает» или «это нетипично». Пьеса и спектакль, привезенный таллинцами в Москву, были признаны «только внешне и формально современными». Критик диагностировал: «Драматические ситуации пьесы и характеры героев могут быть отнесены к любому времени»... Да не к любому, а к нашему!... Но это уже история...

А сегодня Э. Раннет написал новую пьесу «Гуси». На этот раз драматург пошел по несколько новому пути. В пьесе отсутствует сколько-нибудь цельный сюжет, она состоит из шести картин, посвященных жизни людей одного эстонского села. Перед нами механизаторы, доярки, трактористы, бригадир, птичники, возчик молока (он же по совместительству деревенский пастор) и даже милиционер, чья энергия целеустремленно направлялась на разоблачение деревенского лодыря, стилинга, исполдоль занимающегося спекуляцией и презрительно называемого людей труда «гусями».

В процессе встреч и расставаний с действующими лицами мы узнаем их добрые сердца, милые слабости

НА ВЫСОТУ СОВРЕМЕННЫХ

или трудные заблуждения. Так, например, как-то несправедливо, с холодным эгоизмом относится молододой, прошедший нелегкую жизнь Таавет Киви (арт. Йоханнес Ребане) к близкой ему Эльзе, с которой прожил немало лет, но так и не собрался оформить свои с ней отношения. Эльзу остро, темпераментно, с какой-то упоенностью играет талантливая Айни Тальви. Особенно увлеченно проводит она сцену дня рождения. Многих гостей в этот вечер ждала Эльза. Но никто не пришел. Накануне она заявила, что не выйдет в поле на сверхурочную работу. Люди поняли, что Эльза нарушила закон дружбы и солидарности, и отказали ей в своем расположении. И вот взбунтовалась, разъярилась старая Эльза и всех, кто случайно в этот вечер к ней заходил, почти насильно потчевала вином и закуской. Айни Тальви проводит эту сцену с большой экспрессией, неистово, как бы переваливаясь в душу неугомонной Эльзы.

Тонкой лиричностью, нежной взволнованностью отмечена центральная роль спектакля — молодая Силли Тульп в безукоризненном по чувству артистичности исполнении Лиллы Руммо. Ее игра своей выразительностью, особым тактом в выборе красок и интонаций оставляет яркое впечатление, Силли, бес-

спорно, любит своего избранника, но эта любовь полна гордости, чужда каких-либо компромиссов. Она строга и чиста.

Вообще в этом спектакле (и в самой пьесе) женские образы более психологичны, чем мужские. Это в равной степени относится к Еве Мутт (Сильвия Лайдла), Ингрид (Аста Лотт), Мари Себа (Лисль Линдау). Правда, полон непосредственности, юмора образ молодого тракториста Аарне Ламмаса (Аксель Кюнгас) и весьма выразителен Мати Клоорен в роли Яака, деревенского шалопа, убежденного тулеяца. Непонятно только его скоропалительное раскаяние в финале спектакля. Это было так неожиданно, что зрители в какое-то мгновение даже готовы были поверить в это перевоплощение, да вовремя остановились... колхозный милиционер. Он-то знал истинную цену этим дешевым раскаяниям.

Чем же кончаются «Гуси»? Для одних — установлением достойных человеческих отношений, для других — счастьем крепкой любви, для третьих — раздумьем о путях-дорогах жизни, об обязательствах и ответственности перед обществом и перед собственной совестью. Такой финал, как и общее построение, придает пьесе некоторую эскизность,

очерковость. Что ж, и это возможно. Но нельзя забывать, что иногда подобный метод может отрицательно сказаться на содержательности, емкости образа, как это и случилось с Отто Таалем (играет эту роль Аксель Орав). По замыслу, это положительный характер, сильный, волевой, но ему, что называется, не хватает психологических мотивировок для доказательства живости и убедительности своего характера.

Манера, в которой написаны «Гуси», уже знакома нам хотя бы по такой известной пьесе, как «Антен» М. Зарудного, с успехом поставленной в Москве. Но там затрагивались более сложные проблемы: на сцене царил более напряженная, взрывчатая атмосфера. В спектакле, поставленном Ильмаром Таммуром, больше снокоиствия, больше жанра, часто выражаемого в эскизных зарисовках. Хотя в некоторых сценах (как, например, в сцене у Эльзы) автор не поспешил набуффонные краски, даже гротеск. Режиссер не спорил с автором, он даже с сочувствием отнесся к своеобразию пьесы. Может быть, это и закономерное...

Своеобразной вышкой, откуда открываются новые горизонты, для Театра имени Кингисепа является сейчас спектакль «Человек и бог». Именно на нем мы убедились, на-

ТРЕБОВАНИЙ

ПРОБЛЕМЫ РЕПЕРТУАРА

сколько сильный, зрелый организм этот коллектив. Сильный талантами актеров, высокой культурой режиссерского искусства, ансамблевостью высшего ранга, когда на сцене возникает большое по страсти, по накалу событий, по умению смотреть на прошлое глазами современника произведение. В спектакле светится глубокая мысль, сверкает огненная ненависть ко всему мертвому, отжившему. Именно этот спектакль еще раз убеждает, что театр не может развиваться без большой, сильной идеи и образами драматургии (в этом особое достоинство инсценировки).

В течение каких-нибудь трех часов перед нами прошла целая эпоха с колоритными, неповторимыми образами, характерами, конфликтами. И это была не кусткамера, не паноптикум, а живая действительность: Эстония конца прошлого века — колония немецких баронов и царских урядников. Отсюда — цепкий клубок противоречий, острых конфликтов, человеческих трагедий.

Искусством перевоплощения владеют исполнители почти всех ролей в этом спектакле — от самой маленькой, вроде дворника Ййги (арт. Антас Ййги) или трогательной, но отнюдь не сентиментальной ролью учителя Войтинского

(Ю. Ярвет), и кончая зловещим господином Маурусом в блистательном исполнении Антса Эскола.

Можно много писать об актерских удачах, о глубине и тонкости режиссерского решения. Но я не рецензирую спектакль. И к пьесе «Человек и бог» обратился лишь затем, чтобы определить идейно-художественную вышку в сегодняшнем репертуаре театра. Этот спектакль, можно сказать, излучает ту творческую энергию, которой как-то «заряжаются» и другие постановки эстонской сцены.

Сейчас в театре мечтают о «новой вышке». Надежды возлагаются на готовящуюся к постановке пьесу «Авария» В. Панта. Она привлечла остротой поставленных проблем, яркостью очерченных характеров.

Конечно, инсценировка В. Пансо, как и роман А. Таммсааре, несет в себе психологически-бытовой элемент. Мое глубокое убеждение — без быта вообще нет театра! Но он должен составлять только фон, только конкретную обстановку, помогающую точнее и обстоятельнее раскрыть и мотивировать судьбы людей, характер конфликтов.

Постановка «Человек и бог» подтверждает еще и ту простую истину, что к сердцу зрителя любой национальности всегда пробьется про-

изведение, над которым не довлеет так называемая «национальная специфика», обычно несущая в себе обилие натуралистических, бытовых и этнографических подробностей. Чтобы драматическое произведение дошло до сознания широкого зрителя, надо, чтобы оно по крайней мере удовлетворяло двум условиям: во-первых, представляло общечеловеческий интерес и, во-вторых, вызывало лафос у народа, для которого оно было создано. Подчеркивание сугубо бытового, натуралистического колорита (а под этим порой только и понимают «специфику» национальной формы) может помешать раскрытию общечеловеческого. В частности, в этом наглядно убеждает инсценировка первой части романа А. Таммсааре, носящая название «Отцы и дети Варгамэ». Тогда театр создал типичный натуралистически-бытовой спектакль, в котором «экспонировались» нравы патриархальной деревни.

Этого не случилось в «Человеке и боге», не случилось потому, что в национальном проявилось общечеловеческое. Я не сомневаюсь, что высокая идейная основа данного спектакля как-то определила собой ту интонацию сдержанности, строгости, даже суровости, которая заметна в игре Антса Эскола и Вельды Оттус в пьесе У. Гибсона «Двое на качелях». Актеры четко и вместе с тем

тактично подчеркивают те черты в характерах своих персонажей, которые ведут к душевной опустошенности, безраздочному одиночеству, мрачному пессимизму и ожесточению. Из их игры почти полностью ушел налет патологической возбужденности, подчеркнутой эротики. Но, несмотря на все их старания, этот спектакль все же не привлек внимания зрителя. В тот вечер, когда я его смотрел, в зале сиротливо сидело два-три десятка зрителей. И это составляло разительный контраст со спектаклем «Человек и бог», делавшим и сегодня аншлаги.

Другой премьерой театра явилась постановка пьесы «Чужой» Эйно Альта. Это его вторая пьеса. Ей предшествовал «Слепой», где рассказывается об истории одного журналиста и девушки с улицы, о которой автор многозначительно говорил: «та, которая завершает свой портрет». Пиме Меес, слепой, был журналистом, был призван на войну, вел дневник, в котором хотел прославить черное дело войны, но, пройдя все ее испытания, написал правду о войне и о тех, кто спустил с цепи «бешеную собаку». Страна, где происходит действие, не названа. Но можно предположить, что это Западная Германия или еще какая-нибудь из стран НАТО. Создавая такой неопределенный фон действия, автор до некоторой степени облегчил себе задачу. Но, освободив пьесу от быта, он обескровил и характеры действующих лиц, приглушил ее драматизм. Все-таки в спектакле мы видим несколько актерских удач и прежде всего яркую игру Иты Эвер. В целом же он не ос-

тавляет большого впечатления, ибо все изображается приблизительно.

Вторая пьеса Э. Альта, «Чужой», посвящена нашей действительности. Ее тема — доверие к людям. До поднятия занавеса с героями происходит следующее: двое молодых — Яан и Пирет познакомились и подружились. Девушке пришлось «испытать страх стать матерью». Чтобы устранить такую опасность для Пирет, ее мать Марет увезла дочь в другой город, на другое строительство. Но, очевидно, чувства юности оказались сильнее, чем предполагала мать, и он поехал следом за Пирет.

В этот момент и подымается занавес. Яан смело приходит к Марет Сеппель и просит принять его на работу. Сеппель ему отказывает. Упорный юноша устранивается в другой цех. И дружба с Пирет продолжается. Одновременно в пьесе возникает другая сюжетная линия: Марет увлекается Эниом Ванаксом, инженером, приехавшим на строительство. Так возникают две параллельные сюжетные линии. Но тут происходит неожиданное смещение: тема доверия к людям уступает место теме: «а если это любовь?». Марет, человек интеллигентный, современный, как будто должна была первой почувствовать, насколько серьезны отношения молодых людей. Но она проникается безотчетным недоверием и резко вторгается в чужие чувства... Не знаю, как бы автор нашел развязку, если бы поблизости не оказалось строительного объекта, с лесов которого сорвалась девушка. Весь третий акт проходит в де-

журной комнате больницы, где Пирет делают операцию, а все остальные герои заявляют о безграничной к ней любви, и происходит всеобщее примирение. Уходишь с такого спектакля и думаешь: а что все-таки хотели сказать автор и театр?

Все это осложнило задачу режиссуры и исполнителей. Талантливые актеры, естественно, старались оправдать свое пребывание на сцене, но это далеко не во всем и не всем удалось. Хорошее впечатление все же оставляет Микк Микквер, на которого легла трудная задача создать образ упорного и честного парня, почувствовавшего, как трудно отказаться от любви. Живой, полной жизненной мудрости и тонкой иронии предстала бабушка Кадри в исполнении Линды Тубин. Обаятельная и снова неожиданной для нас явилась Ита Эвер. — Марет, но роль оказалась неясной, противоречивой и потому самый образ остался неясным.

Театр имени В. Кингисепа — хороший, талантливый коллектив! И если его сильные спектакли рождались во взаимодействии таланта театра и драматурга, то слабые — главным образом от недостатков драматургии. Это и дает нам осознание не во всем одобрять репертуарную политику театра.

И еще: театр мало ставит пьес драматургов РСФСР и других братских республик и в то же время не всегда проявляет столь же высокую требовательность и к «своим» авторам. Об этом стоит подумать.

В. ЗАЛЕССКИЙ.